
2017

БОРИС ПРИВАЛОВ

ТРИЖДЫ УБИТЫЙ

ХУДОЖНИК Б. ИГНАТЬЕВ

2

Было это во время войны с фашистами. Возвращался я к себе в роту из госпиталя. Два месяца не мог выйти из окружения медперсонала. О своих друзьях-однополчанах весточек не имел.

Пока ждал машину, встретил ефрейтора Рожкова из нашей роты. – „А я тоже целый месяц контузию лечил“, – сказал он. – „Ты-то всего месяц, как из роты, – обрадовался я, – рассказывай новости!“

–Понимаете, товарищ старший сержант,–растерянно произнёс Рожков,–не знаю, как вам и сказать... В том бою, когда меня контузило, вашего друга, сержанта Катюшина... Фашист... Наповал.

Я от этих слов онемел, честное слово. Катюшин, гвардейской смекалки сержант – и вдруг погиб! Невозможно. Что-то тут Рожнов путает, наверно.

И вот что рассказал мне Рожков... Когда в тот день наша рота пошла в атаку, с флангов неожиданно ударили фашистские пулемёты.

Катюшин и Рожков получили приказ подавить одну из огневых точек врага. Земля была снарядами много раз перепахана, так что солдаты доползли до фашистов быстро.

Метрах в десяти от фашистского окопчика была большая воронна от бомбы. Из неё Катюшин и Рожнов метнули гранаты в окоп фашистов.

Пыль от взрывов ещё не осела, а Катюшин и Рожков уже прыгнули в окопчик. Из другой части окопа – крики. Прямо на голоса Катюшин вторую гранату швырнул.

И сразу раздались два взрыва: один – там, а другой, как эхо, тут. Ответной фашистской гранатой Рожков и был контужен. Упал и пальцем шевельнуть не может. Но всё видит и слышит.

Натюшин бросился к Рожкову – жив ли? А в это время сзади – фашист. Натюшин схватился за автомат, а в нём патроны кончились.

Что делать? В рукопашную не бросишься – фашист в упор расстреляет. Последнее, что Рожков запомнил, – это безоружный Катюшин под дулом врага.

13

...Очнулся Рожков уже на спине санитара. Спросил: „Катюшин жив?" – „Не знаю, – ответил санитар, – кроме тебя, в том окопе никого живых не было..."

После этого рассказа у меня прямо-таки душевная контузия получилась. Рожков даже отошёл от меня. Понял парень — словами не поможешь.

Подошёл тут ко мне знакомый лётчик. Сказал я ему про Катюшина. — „Да, — говорит он, — глупо получилось. На моих глазах он погиб... две недели назад...“

–Что-то ты путаешь, друг! Погиб Катюшин месяц назад! Мне Рожков из нашей роты сказал!

–А я видел Катюшина последний раз две недели назад,– сказал лётчик.–Перед вылетом вызвали меня в штаб. А Катюшин стоит у грузовика.

Дали ему особое задание – проскочить среди бела дня с грузом по Демидовскому шоссе. Шоссе простреливается, над ним фашисты летают. Вот в штабе и решили: уж кто-кто, а Натюшин проедет!

Через полчаса я вылетел на перехват фашистских бомбардировщиков. Шли на бреющем – так незаметнее. И вдруг вижу: „мессер“ Демидовское шоссе утюжит.

20

Ёкнуло у меня сердце – вспомнил я о катюшинской машине. Тут мы как раз вдоль дороги пошли. Смотрю: горит грузовик,

мотор разбит, из кузова пламя синее бьёт. Сам Катюшин лежит, руки раскинуты, рядом шофёр – тоже, видно, убитый.

– Вот, брат, как Катюшин погиб, – вздохнул лётчик. В этот момент слышу – кричат мне: „Товарищ гвардии сержант! Машина есть попутная!“

Поехали. Начал я в себя приходить. Осмотрелся. Вижу, в уголке солдат пригорюнился. Лицо, вроде, знакомое. Так и есть: Ерёмин из второго взвода.

– „Что это ты мрачный нынче?" – спросил я. И услышал от Ерёмина такие слова, что от удивления едва за борт не вывалился: „Сегодня Катюшин погиб".

И рассказал Ерёмин, как дело было... Прошлой ночью пошли они на охоту за фашистским снайпером.

Пришли на место. Натюшин сказал: „Я буду на этой сосне „кукушку“ изображать.

Ерёмин помог снайперу Юрьеву „берлогу" вырыть, замаскировать её. Задолго до рассвета с работой справились, и Ерёмин назад, в роту, пошёл.

Ерёмин доложил, что всё в порядке, и показал командиру роты, где расположились Катюшин и Юрьев.

– „Вижу, вижу, – сказал командир, – вон он... выстрелил". – „Но, наверное, фашист его тоже увидел – сбил Катюшина первым же выстрелом".

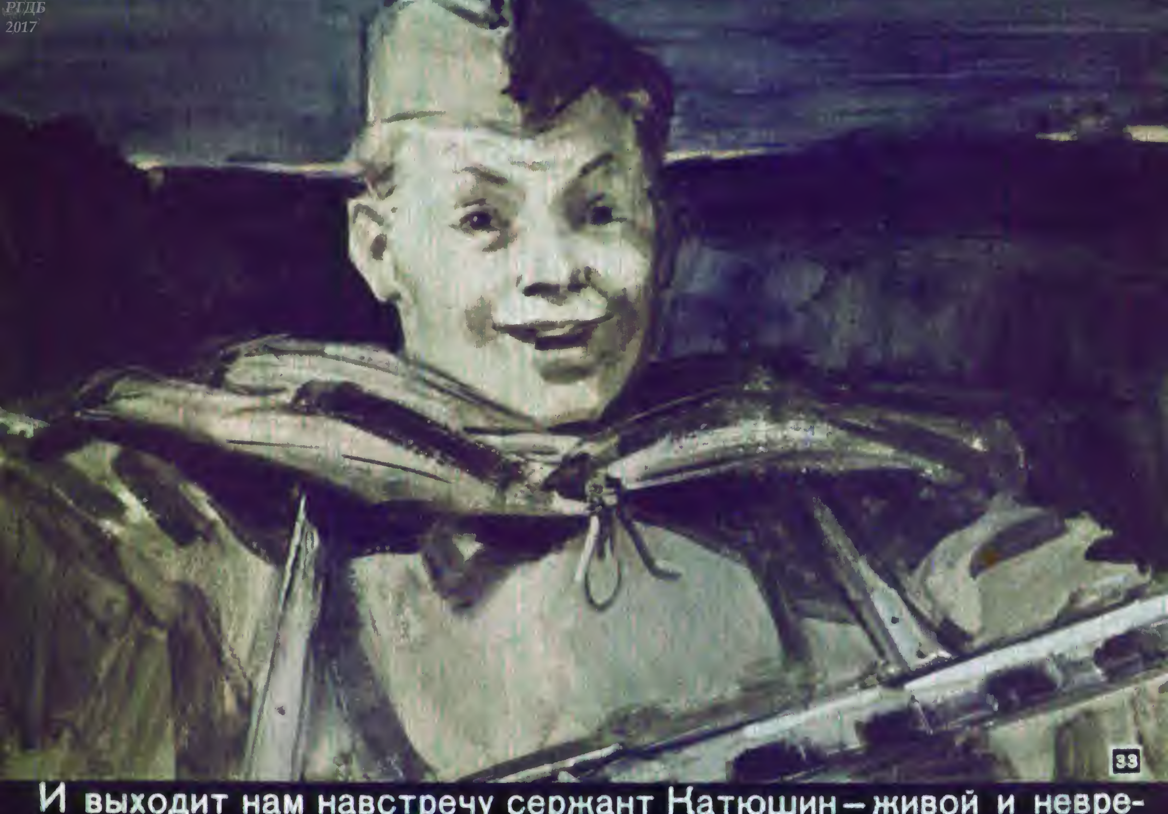
Не может же быть такого! Ведь одного человека трижды убить нельзя! Кто-то неправду мне сказал! Но кто? Все трое — очевидцы!

31

Остаток пути мы молчали. Приехали в расположение батальона, добрались до родной роты, идём к себе. Фашисты осветительные ракеты бросают – мы шагаем, не споткнёмся.

Вдруг Ерёмин отпрянул назад, меня за руку схватил, дрожит весь. – „Там, – бормочет, – там... за поворотом“.

И выходит нам навстречу сержант Катюшин – живой и невредимый! Увидел меня, да как гаркнет: „Паша! Друг!“

Ну, я не утерпел: всё, что сегодня слышал, выложил. – „Вот, – говорю, – дружище, разбирайся, что к чему. Начинай по порядку".

– Никто тебе, Паша, слова неверного не сказал, – усмехнулся Катюшин. – Что видели, про то и говорили. Вот хотя бы тот бой, месяц назад, когда Рожкова контузило...

Стоит фашист с автоматом, а у меня в автомате диск кончился. Метров шесть между нами. В рукопашную не бросишься — пристрелит. Как быть?

37

Я стоял вполоборота к фашисту. Вырвал незаметно диск из автомата и бросил его, как гранату. Перед этим мы граната-ми бой вели, вот фашист и отскочил за угол.

Я успел перезарядить автомат и... ну, в общем, этот фашист больше нашей земли топтать не будет. Потом я встретил санитара, сказал про Рожкова.

И лётчик не ошибся – „горел" мой грузовик. Когда я увидел, что „мессер" появился, машину остановил. На железных листах в кузове паклю зажгли. Под колёса ракеты положили – подожгли, а сами убитых изображали.

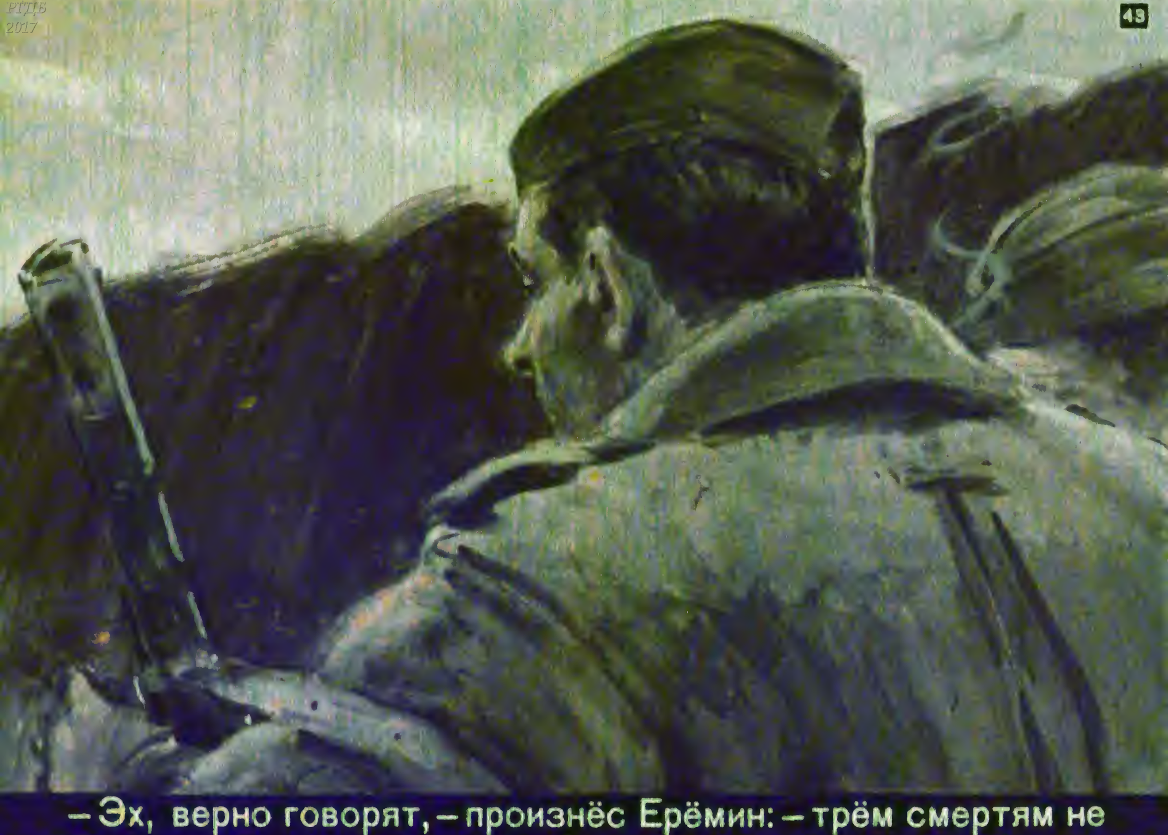
Фашисты прошли на бреющем, увидели, что грузовик и без них уже „готов“ – не стали даже патронов тратить, улетели за другой добычей.

А с сосны я не падал. Потому что я на ней и не сидел. Ты, Ерёмин, чучело за меня принял, и не только ты но и фашистский снайпер!

Чучело моё руками шевелило, из автомата стреляло. Фашист его заметил, решил – снайпер. Выстрелил. Я верёвку дёрнул – чучело на землю. А наш снайпер по этому выстрелу фашиста засёк. Тут ему и капут пришёл.

– Эх, верно говорят, – произнёс Ерёмин: – трём смертям не бывать, одной не миновать!

–Эту пословицу плохой человек выдумал! Вред она приносит. Настоящий солдат по другой пословице жить должен: „Три смерти миновать и четвёртой не бывать!“ Вот как!

КОНЕЦ

Редактор Г. Калашникова
Художественный редактор Л. Усайтис

Д-167-65

Студия „Диафильм", 1965 г.
Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7

Чёрно-белый 0-20. Цветной 0-30